

Джон Голсуорси

Распря

Перевод с английского
Виктора Хинкиса

ФТМ

Джон Голсуорси

Распря

«ФТМ»

1921

Голсуорси Д.

Распря / Д. Голсуорси — «ФТМ», 1921

ISBN 978-5-4467-1331-8

Лауреат Нобелевской премии Джон Голсуорси хорошо известен в нашей стране как автор знаменитой «Саги о Форсайтах». Однако его перу принадлежат не менее замечательные новеллы, рассказы и маленькие повести, проникнутые юмором, мягкой лиричностью и романтизмом. «Распря» – рассказ из сборника «Моментальные снимки».

ISBN 978-5-4467-1331-8

© Голсуорси Д., 1921

© ФТМ, 1921

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Джон Голсуорси

Распря

I

Психологические причины ее, как и большинства человеческих симпатий и антипатий, были неясны, но все же, как большинство человеческих симпатий и антипатий, она имела вполне определенное начало – тот самый миг, когда рыжая собака Баудена укусила в ногу Стира, который в тот день был без гетр. Но даже тогда, пожалуй, не пошла бы у них, как говорится, эта распря, если б не деревенские понятия о справедливости, заставившие Стира принести на другой день ружье и торжественно пристрелить собаку. Она перед тем покусала еще двоих, и даже Бауден, который любил свою гончую, не заступился за нее, но у него осталось смутное ощущение, что этот выстрел лишил его законной собственности, и глухое чувство, что он предал свою собаку. Сир был родом не то с севера, не то с востока, откуда-то из Линкольншира, он был здесь чужим, как и фрисландский скот, который он скрещивал у себя на ферме с девонским, и Бауден в глубине души безотчетно чувствовал, что именно поэтому его собака и укусила Стира. Снизу, как и его хозяину, не по душе были всякие новшества, которые вводил у себя на ферме этот худой, энергичный человек с рыжей, чуть седоватой бородой, успевавший во всем опередить Баудена, где на час, а где – на неделю или даже на месяц; не по душе обоим была его тощая фигура, тонкие ноги, его сухая деловитость и резкость. Бауден понимал, что и он пристрелил бы собаку Стира, если б она укусила его, а до этого еще двоих; но собака Стира не укусила Баудена, а вот собака Баудена укусила Стира; и это, как казалось Баудену, свидетельствовало о том, что его собака знала, кого кусать. И, зарывая бедного пса, он бормотал: «Мерзавец! Хотел бы я знать, чего это ради он пришел ко мне на двор в воскресных штанах, – небось, все вынюхивал, да высматривал!» И с каждой лопатой земли, которую он бросал на тощее рыжее собачье тело, неотвязное возмущение все больше наполняло его и, не находя выхода, влияло на его мысли.

А схоронить собаку как следует было делом долгим и нелегким.

«Пришел и пристрелил мою собаку, да еще в воскресенье, а я ее теперь зарывай», – думал Бауден, утирая свое круглое, румяное лицо; и он плюнул на землю с такой яростью, словно плевал в лицо Стиру.

Кончив работу и вкатив на холмик большой камень, он в прескверном настроении пошел в дом, уселся на кухне и сказал:

– Эй, девка, нацеди-ка мне стакан сидру. – А выпив сидр, поднял голову и произнес: – Я схоронил ее как полагается.

Собственно говоря, это был гончий пес, от которого на ферме не было никакой пользы, кобель, но Бауден привык называть его «она». Темноволосая, широколицая, угрюмая девушка, к которой он обращался, покраснела и поглядела на него широко раскрытыми серыми глазами.

– Какая жалость! – пробормотала она.

– Эх! – сказал Бауден.

Бауден хозяйствовал у подножия холма на сотне акров земли, которая местами была поплоче, местами – получше. Он был вдов и жил с матерью и единственным сыном. Это был покладистый и спокойный человек, круглоголовый, темноволосый и румяный, обладавший удивительной способностью жить настоящим, не задумываясь о будущем. Стоило только на него взглянуть, и сразу становилось ясно, что этому человеку чужды душевные терзания. Но ведь на первый взгляд можно приписать жителю Западной Англии столько свойств, которых на самом деле у него нет... Он был из самых коренных местных жителей – род его восходил

к тем временам, когда метрических книг здесь и в помине не было; его предки исстари были церковными старостами. Его отец, «папаша Бауден», красавец, весельчак и немножко распутник, дожил до девяноста лет. Да и самому Баудену давно перевалило за пятьдесят, а у него не было ни одного седого волоса. На жизнь он смотрел легко и не слишком утруждал себя работой на ферме, где отвел почти всю землю под пастбище. С усмешкой консерватора (хотя Бауден принадлежал к либеральной партии) следил он за непонятными упорными попытками своего соседа Стира, который был консерватором, выращивать пшеницу, разводить фрисландский скот и применять новомодные машины. Смир, приехав в эти места, служил сначала управляющим чужим именем, и это вызвало тайное презрение Баудена, чьи предки с незапамятных времен имели собственную землю. Мать Баудена, старушка восьмидесяти восьми лет, сухонькая, маленькая, едва ворочавшая языком, с блестящими черными глазами и бесчисленными морщинами, по целым дням сидела где-нибудь в тепле, берегла силы. У сына Баудена, Неда, двадцатичетырехлетнего парня, круглоголового, как все Баудены, глаза и волосы были чуть светлее, чем у отца. В то время, когда Смир пристрелил собаку Баудена, Нед любезничал с племянницей Стира, Молли Уинч, которая вела хозяйство своего дядюшки, закоренелого холостяка. Была среди домочадцев Баудена еще служанка Пэнси, круглая сирота и, как говорили, незаконнорожденная. Раньше она жила где-то по ту сторону вересковых пустошей, а потом нанялась здесь батрачить за четырнадцать фунтов в год. Она всех сторонилась, эта девушка с мягкими темными волосами, серыми глазами и бледным широким лицом; она была угрюма, легко раздражалась и тогда «кудахтала, как курица»; иногда она казалась совсем некрасивой, а иногда, особенно когда бывала растрогана или взволнована чем-нибудь, вдруг хорошела. На ее плечах лежала вся работа по дому, и ей же приходилось кормить домашнюю птицу, колоть дрова и носить воду. Она очень уставала и поэтому часто бывала в дурном настроении. Допив сидр, Бауден вышел на кухонное крыльцо и остановился там, лениво глядя на носившихся в воздухе комаров. Погода стояла прекрасная, и сено уже убрали с лугов. Наступила тихая пора от одной страды до другой, а он привык в такую пору жить спокойно, и его всегда забавляла мысль о том, что его сосед вечно возится с каким-нибудь «усовершенствованием». Но теперь эта мысль его больше не забавляла. «Вечно этот парень норовит вылезти вперед, обскákat соседей!» Молодой Бауден только что подоил коров и теперь гнал их за ворота. Ну вот, сейчас начнет прихорашиваться, а потом пойдет к Стиру ухаживать за его племянницей! И вдруг это ухаживание показалось Баудену чем-то противоестественным. Услышав кашель, он обернулся. Пэнси с засученными рукавами стояла позади него.

— Прекрасный вечер, — сказал он. — Погода стоит в самый раз для хлебов. — Когда Бауден давал волю своему эстетическому чувству, то непременно оправдывал такую слабость каким-нибудь замечанием насчет того, какая от этого может быть прибыль или убыток, тогда как Смир обычно ограничивался лишь сухим: «Отличный вечер». Разговаривая со Стиром, всякий чувствовал его независимость передового индивидуалиста, который не в силах скрыть свой характер. С Бауденом же можно было общаться неделями, не подозревая, что под его невозмутимым добродушием кроется индивидуализм столь же упорный, как и у Стира. На первый взгляд Смир мог показаться гораздо более современным и «цивилизованным», но если взглянуть глубже, то становилось ясно, что Бауден «цивилизовался» гораздо раньше. Просто его защитная оболочка образовалась в более мягком климате или же была унаследована от более древних предков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.